

Ж. Б. Кундакбаева
МОДЕЛИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЖЕНЩИН КАЗАХСТАНА
РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (1920–1930-е гг.)

УДК 94 (574) "1920/1930"

ББК 63.3 (5 Каз) 614

В статье анализируется то, как осмысляется, описывается и конструируется современное я в эго-документах казахстанских женщин. На основе концепции советской субъективности американских историков был выбран исходный посыл о том, что в процессе конструирования личности определяющую роль играет язык и люди, используя язык (и его значения), формируют свое восприятие мира. Рассматривая личность как лингвистическую конструкцию и принимая во внимание ограниченное количество женских нарративов, автор утверждает, что результаты реализации модернистского проекта большевиков 1920–1930-х гг. оказались неоднозначными для женщин Казахстана. Они осознали себя индивидами, но тактики и стратегии освоения советскости, превращения советскости в собственное я были разными для разных категорий женщин. В результате было выявлено два вида нарративной идентификации, два вида сознательных и бессознательных практик отношения женщин к идеологии, к политической программе советского государства. С одной стороны, это — субъективность женщин-активисток. Их вхождение в модерн, знакомство с новыми правилами жизни, выработка новых знаков и социальных кодов, а также внутреннее преобразование произошло одновременно с вовлечением в практическую работу — пропаганду и агитацию среди женщин. Пропустив через себя программы партии, они вскоре сами стали идеологической силой, действуя наравне с лидерами партии. Тексты Фатимы Габитовой представляют диаметрально противоположную субъективность — отстраненную модель самоидентификации. Тем не менее, и женщины-активистки, и Фатима Габитова, несомненно, субъекты, рефлексивные я, которые осознанно позиционируют себя в историческом времени.

Ключевые слова: *женские эго-документы, советская субъективность, собственное я, модерн, идеология, нарратив, язык*

Столетний юбилей Великой революции 1917 г. стал поводом еще раз задуматься над тем, чем же для всех нас стало это эпохальное событие. Сегодня в рассуждениях о встрече людей окраин с революцией актуальным становится изучение степени преобразования сознания нерусской советской женщины, поскольку значительные плоды эмансипации женщин — это то, что навсегда осталось в нашей жизни и что сегодня мы воспринимаем как данность. Об этом много писалось и пишется. Но как нерусская женщина осознала себя личностью? Как она видела себя и мир вокруг? Насколько успешными были большевики в формировании новой советской женщины в Казахстане?

Несмотря на обширную историографию женской проблематики ранней советской эпохи, в том числе и на окраинах,¹ все же отметим

¹ Историографию см.: Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность: материалы к библиографии. М.,

недостаточное количество исследований о том, насколько изменилась нерусская советская женщина в результате революции 1917 г.

Следует подчеркнуть, что категории анализа советского общества довоенного времени, проблематика исследований зарождались в ходе дискуссий в американской историографии.² Проблема формирования нового самосознания советских людей была обозначена ревизионистами второго поколения.³ Они критиковали своих предшественников за слишком обобщенный анализ советской действительности и в центре исследований поставили конкретного субъекта. Теоретической базой концепции «модерного субъекта», который воспринимает себя, свое я как результат собственных творческих усилий (концепция Хелльбека и Халфина), стал лингвистический поворот и идеи Фуко о власти и субъекте. Власть перестала быть единой

2002; Kamp M. Women's Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another // Central Eurasian Studies Review. 2009. Vol. 8.1. P. 2–13.

² Историографию см.: Абашин С. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М., 2015. С. 28–31.

³ Там же. С. 31–33.

и подавляющей, идеология — всеобъемлющей и официальной. Идеология становится языком, овладевая которым, субъект приобретает новую идентичность. Так, согласно их схеме, Октябрьская революция стала моментом, когда индивид должен был изменить представление о себе и окружающем мире. При этом революция не подавляла, а, наоборот, стимулировала создание новой субъективности. На основе положения данной концепции о том, что советская субъективность конструируется и советское я осмысливается, описывается и создается в эго-документах мы можем утверждать, что результаты модернистского проекта большевиков преобразования сознания оказались неоднозначными для женщин Казахстана: они осознали себя индивидами, но исходные условия вступления в модерн стали решающим фактором в тактиках и стратегиях освоения советскости, превращения советскости в собственное я.

Ограниченное количество женских эго-документов для ранней советской эпохи

К сожалению, приходится констатировать, что в Казахстане существует ограниченное количество женских эго-документов ранней советской эпохи. В нашем распоряжении есть автобиографии, личные листки по учету кадров, творческие произведения, а также воспоминания первых женщин-активисток, написанные в эпоху позднего социализма. Исключение составляет письменное наследие Фатимы Габитовой (1903–1968).⁴

Воспоминания женщин-активисток были опубликованы в советское время,⁵ поэтому их формат был задан строгими рамками Комиссии по Октябрьской революции и РКП(б) и ограничен купюрами советской публикации. В них трудно найти следы присутствия автора: они шаблонны и по структуре, и по языковым конструкциям. По роду деятельности авторы воспо-

минаний были агитаторами-пропагандистами. Они пользовались специфичным языком, и они же распространяли этот язык среди населения. Они привыкли к тому, что любой документ, исходящий от Коммунистической партии, должен стать партийным, выполнять агитационно-пропагандистскую функцию, оказывать воспитательное и просветительское воздействие на сознание масс. Этот язык стал их частью. Но обнаруженные в Архиве Президента РК автографы позволяют увидеть черновики, исправления, редакторские правки. Сравнение их с опубликованными материалами приводит к интересным выводам. Например, возьмем опубликованные воспоминания об Алме Уразбаевой — первой женщине-коммунистке в Казахстане.⁶ Они мало отличаются друг от друга, так как написаны в стиле партийной характеристики, к тому же основательно «подчищены» редактором. Но найдены неопубликованные документы-автографы об Алме⁷ — справка Есовой, которая написана в принятых риторических формах, и справка М. Бегалиевой, которая несколько выбивается от официального стиля. Нарративная структура ее показывает, что автор словно мечется от желания и выдержать канон, и в то же время представить правдивую картину жизни Алматы. В справке — две концовки: одна завершает документ вполне нейтральным тоном, вторая содержит эмоции и горестные раздумья о трагической судьбе Алматы.⁸

Множество неопубликованных воспоминаний женщин-активисток сохранилось в документах личных фондов женщин.⁹ Интересны

⁴ См.: Габитова Ф. Алыштар тагдыры: Күнделік даптерден. Алматы, 1995; Она же. Өртеңде өнген гүл: өлеңдер, проза, естеліктер, күнделіктер, хаттар, пікірлер, ойлар. Алматы, 1998; Фатима. Дневники, воспоминания, стихи, статьи. Алматы, 2010.

⁵ См.: Казахстан в огне гражданской войны: Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. Алма-Ата, 1960; Женщины Казахстана — активные строители социализма. 1918–1945 гг. Алма-Ата, 1981; В огне революции (Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане). Алма-Ата, 1957; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане. 1917–1918 гг. Алма-Ата, 1957; Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.). М., 1971.

⁶ Есова С. Поколение Октября // Казахстан в огне гражданской войны. С. 387; Бегалиева М. Жизненный путь Алматы Уразбаевой // Там же. С. 394; Ниязова М. Многогранная деятельность молодой большевички // Там же. С. 397.

⁷ АП РК. Ф. 841. Оп. 7–80. Д. 71. Л. 3–5.

⁸ Там же. Л. 4, 5.

⁹ См.: ЦГА РК. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–6 (Личный фонд Назаровой А. И.: Воспоминание. О работе среди женщин и об организации первых комсомольских ячеек девушек Востока в Туркестане и Кызыл-Орде); Там же. Л. 11–18 (Дополнение. К воспоминанию о работе среди женщин в Туркестанском уезде в 1926 г. (написано в 1961 г.)); Там же. Д. 12. Л. 5–17 (Об отмене калыма и многоженства у казахов (написано в 1963 г.)); Там же. Д. 14. Л. 1–25 (О 1-ом съезде женщин Казахстана, о некоторой работе в Комитете советских женщин С. С. С. Р. (написано в 1988 г., в Москве)); АП РК. Ф. 811. Оп. 4. Д. 220. Л. 5 (Воспоминания Ходжамировой Ш. о работе среди женщин в Семиреченской области); Там же. Оп. 1–84. Д. 183 (Аюханова Р. Воспоминания о комсомоле (1957 г.)); ЦГА РК. Ф. Р–2060. Оп. 1. Д. 56 (Личный фонд Бужикеевой Камили. «С чего начала трудовую деятельность». Воспоминания для альбома «Женщины — ветераны». Машинопись. 1960 г.); Там же. Д. 58 («Наперекор трудностям». Воспоминания о первых комсомольцах Казахстана в книге «Я — твоя, революция». Автограф. Машинопись. 1977–1978 гг. На «76» листах); Там же. Д. 60 (Вырезка из газеты «Жетысу» от 08 марта 1985 г. «Нас было трое» (на каз. языке)).

и копии стихотворений с правками акына-импровизатора Халимы Утегалиевой (1889–1984), и творческие произведения Марьям Хакимжановой.¹⁰ Данные документы представляют ценность для изучения другой категории женщин, которые впоследствии составили научную и творческую элиту казахского общества.

В целом, краткий обзор источников позволяет сделать вывод о том, что круг женских эго-документов ранней советской эпохи в Казахстане ограничен. Он дает возможность анализировать формирование советской субъективности только определенной группы женщин, в то время как подавляющее большинство женщин остаются безмолвными.

*«Член партии с... года»:
советское я женщин-активисток*

Рассмотрим советскую субъективность женщин-активисток, которые сделали карьеру соответственно схеме «вертикальная мобильность».¹¹ В нарративной структуре, языке и стилистике их текстов, бросается в глаза одна общая черта — явное превалирование официального над приватным.¹² Более того, идеологическое начало в этих текстах выходит на первый план.¹³ Общий контекст биографий женщин — процессы модернизации казахского общества. «Их биографии “как будто сошли с конвейера”, — отмечает Н. Козлова.¹⁴ Линия жизни женщин-активисток практически одинаковая: тяжелая, безрадостная доля в прошлом, толчок, путь развития человека с коммунистическим мировоззрением, институциональная карьера.¹⁵ Пути ухода из старой жизни также сходны: вовлечение в публичную жизнь происходило в результате контакта с людьми, «которые уже обрели новую идентичность и статус, казалось, их

жизнь уже обрела форму и смысл, они стали членами новой группы с высокой степенью солидарности».¹⁶ Но независимо от того, что стало причиной ухода из старой жизни, приходу к новой жизни способствовали публичные институты: комсомольская организация, женотдел, женские собрания и, наконец, образовательные заведения. Биографии показывают, что в Казахстане в 1920-х гг. делегатские собрания, женотделы стали действенным инструментом привлечения женщин к советской работе. Для многих женщин встречу с советским определил комсомол.¹⁷

Завершает путь приобщения к коммунистической идеологии учеба. Имеющиеся в распоряжении автобиографии женщин-активисток позволяют сделать список «учебных заведений» 1920–1930-х гг.¹⁸ На собраниях, в процессе учебы женщины усваивают коммунистическую идеологию как доктрину, которая постепенно становится основой их мировоззрения. Но дискурсивная функция идеологии¹⁹ проявляется в текстах воспоминаний, написанных в эпоху позднего социализма. Несмотря на то что время революции прошло, изменились обстоятельства жизни, женщины продолжают писать и говорить в синтаксических шаблонах того времени.²⁰ Это проявляется в изображении картины жизни «в ореоле революционного развития»,²¹ в нарративной структуре, когда биография картографируется в зависимости от памятных и юбилейных дат женского движения, в самоопределении женщин даже в 1970–1980-е гг.²² Так, А. И. Назарова до конца жизни подписывает свои воспоминания, перечисляя должности и указывая партийный и комсомольский стаж, а рассказывая о своих соратниках в 1980-е гг. она использует такие идентификационные маркеры, как «член КПСС с такого-то года» и должность на партийной и правительственной работе.²³ Часто встречается в воспоминаниях метафора «партия — мать и отец».²⁴ Идеологическое проявляется в искреннем, трепетном отношении

¹⁰ См.: ЦГА РК. Ф. Р-1657. 1936–1966 гг. (Личный фонд Утегалиевой Халимы Нургалиевны — акына импровизатора, члена Союза писателей СССР. (1889–1984 гг.)); Там же. Ф. Р-1744. Оп. 1. Д. 12–13 (Личный фонд М. Хакимжановой).

¹¹ См.: Fitzpatrick Sh. *New Perspectives on Stalinism* // *Russian Review*. 1986. Vol. 45, № 4. P. 36.

¹² См.: Козлова Н. Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или Размышления о значимости методологической рефлексии // *Социол. исслед.* 2000. № 9. С. 30.

¹³ См.: Козлова Н. Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // *Социол. исслед.* 1994. № 6. С. 114; Kiaer C., Naiman E. *Introduction* // *Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside*. Bloomington, 2006. P. 2–3, 8; David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, 2015. P. 8.

¹⁴ Козлова Н. Н. Крестьянский сын. С. 117.

¹⁵ АП РК. Ф. 811. Оп. 4. Д. 220. Л. 3; Оп. 3. Д. 15. Л. 3; ЦГА РК. Ф. Р-2060. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.

¹⁶ Козлова Н. Н. Крестьянский сын. С. 118.

¹⁷ АП РК. Ф. 811. Оп. 4. Д. 220. Л. 4, 5; Оп. 1–84. Д. 183. Л. 3; Оп. 3. Д. 15. Л. 5; ЦГА РК. Ф. Р-2060. Оп. 1. Д. 58.

¹⁸ ЦГА РК. Ф. Р-2060. Оп. 1. Д. 58; АП РК. Ф. 811. Оп. 1–84. Д. 183. Л. 3; Оп. 3. Д. 15. Л. 5.

¹⁹ См.: David-Fox M. *Op. cit.* P. 10; АП РК. Ф. 811. Оп. 4. Д. 220. Л. 5.

²⁰ ЦГА РК. Ф. Р-2060. Оп. 1. Д. 60.

²¹ ЦГА РК. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

²² См.: Есова С. *Указ. соч.* С. 381.

²³ ЦГА РК. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 14. Л. 11; Л. 7–8.

²⁴ АП РК. Ф. 811. Оп. 4. Д. 220. Л. 6.

к В. И. Ленину, которое они пронесли до конца жизни.²⁵ Интересен цикл стихов о Ленине народной поэтессы Х. Утегалиевой. Образ вождя явно овустроен и даже обожествлен. Нередко именно с него начинается круг времени.²⁶

«Вся моя молодость прошла в ссылках и унижениях»: собственное я в условиях сталинского террора

Благодаря дневникам, письмам, воспоминаниям и очеркам Фатимы Габитовой нам открывается другое измерение советской субъективности женщин одной эпохи. Тексты Фатимы позволяют нам увидеть «встречу индивидуального субъекта и институтов власти», противоречивость, через которую формировалось модное я женщин в условиях доктрины.²⁷

Тексты Фатимы говорят нам о том, что Модерн вошел в мир повседневности ее семьи уже в 1920-е гг. Ее семья и ближайшее окружение относились к творческой элите и пользовались привилегиями.²⁸ Прежде всего следует отметить расширенные пространственные рамки существования ее семьи. Постоянно «путешествуют во множестве городов и республик страны» не только ее мужья, но и она сама, а также дети.²⁹

Для родных и близких Фатимы вполне естественны поездки на курорты Крыма и Кавказа, где они лечатся, принимают нарзановые ванны, электропроцедуры.³⁰ «Моментов, поражающих встреч с поездом» в текстах Фатимы мы не наблюдаем.³¹ Поезд является привычным средством передвижения для людей ее круга (причем нередко они путешествуют в мягком вагоне). Даже поездки в Москву становятся для них обыденностью. Фатима и ее родственники уверенно пользуются новыми кодами городской жизни, например официальной, а не народной медициной.³² Жилищные условия ее семьи были вполне современные. Она всегда работала, поэтому для организации быта в таком многочисленном семействе у нее была помощница по хозяйству.³³ Фатима всегда кра-

сиво, со вкусом одевалась. Ее дочь И. Джансугурова вспоминает, что даже по возвращении из ссылки в 1949 г. «...ее обаяние не знало границ. А как она за собой следила! ...она шила костюмы у лучших в городе портных-евреев, одевалась элегантно, всегда с прической и маникюром. Даже для дома у нее был роскошный атласный халат. Она мне всегда напоминала императрицу...»³⁴ Мебель и утварь в доме Фатимы в 1927 г. были вполне современными.³⁵ Большое внимание уделялось и еде. Кухня была смешанная, казахско-татарская, и очень разнообразная, несмотря на дефицит продуктов. Основу рациона составляло мясо, но при этом готовились деликатесные блюда, например плов из фазана или беляш с утиной начинкой.³⁶ Знаком детям и родственникам Фатимы и вкус мандаринов и апельсинов, а любимым напитком ее мужа, наряду «с катыком, приправленным просяным кожей», было какао, которое он предпочитал пить во время работы.³⁷

Изменились для Фатимы и членов ее семьи временные измерения восприятия мира. Они жили по расписанию, четко и напряженно. Так, Фатима отмечала, что ее муж «...к своим будням, относился с невероятной ответственностью. Жил по строго установленному распорядку, который мог изменить разве что в выходные дни... Если вдруг по каким-то причинам этот заведенный порядок нарушался, он сильно огорчался».³⁸ В мире Ф. Габитовой есть сложившаяся досуговая область. Так, например, поездка вместе с мужем, известным казахским писателем Ильясом Джансугуровым, в Москву на Всесоюзный съезд писателей в 1934 г. была очень насыщенной. Они жили в Гранд-отеле, вечерами ходили в театр или в гости. Затем поехали в Ленинград, где поселились в доме-отдыха в Пушкино, а затем совершали экскурсии по городу.³⁹ Отдых всей семьей в летнее время был обязательным условием существования. В дневниках упоминаются и праздники, но в их релаксационной, а не в религиозной или идеологической функции. Так, например, 1 мая 1937 г. Фатима и Ильяс принимали гостей, а на следующий день всей семьей отправились на пикник.⁴⁰ Письма показывают,

²⁵ См.: Есова С. Указ. соч. С. 390.

²⁶ ЦГА РК. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 106, 139, 150, 152, 153, 155, 156, 157.

²⁷ См.: Kiaer C., Naiman E. Op. cit. P. 2.

²⁸ См.: Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism Ordinary Life in Extraordinary Times Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, 1999. P. 12.

²⁹ Фатима. Указ. соч. С. 90, 136.

³⁰ Там же. С. 58

³¹ Козлов Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996; Фатима Указ. соч. С. 44, 81, 162.

³² См.: Фатима. Указ. соч. С. 18, 92, 158, 163.

³³ Там же. С. 191.

³⁴ Там же. С. 110, 159, 391.

³⁵ Там же. С. 184, 190.

³⁶ Там же. С. 89, 158, 190, 191, 195, 196.

³⁷ Там же. С. 10, 181.

³⁸ Там же. С. 45.

³⁹ Там же. С. 41.

⁴⁰ Там же. С. 40, 46.

что для Фатимы было характерно рациональное поведение, строгий контроль не только распорядка жизни, но и бюджета семьи.⁴¹

В мире Фатимы Габитовой в достаточной степени сформирована область приватности. Мир — минисообщество литературного круга, которое сначала типологически принадлежало к элите советского общества, а затем — к кругу репрессированных. Социальными атрибутами данной узкой группы казахской интеллигенции были определенный уровень образования, умственный труд. Соответственно для ее представителей характерен и другой код поведения. В мире Фатимы нет места мужскому доминированию, жесткому разделению ролей в семье, господству норм агрессивной мужественности.⁴² Другой характерной чертой людей круга Фатимы Габитовой было культивирование самоконтроля даже в самые тяжелые моменты жизни. И только дневник стал местом, где она изливает свое горе.⁴³ Фатима всегда находится в мире частной жизни. При этом у нее нет «кода судьбы как снятия с себя ответственности».⁴⁴ Она больше думает о своих учениках, детях, их образовании, чем о происходящем вокруг.

В текстах Фатимы представлены психологически точные индивидуальные образы других: ее восприятие людей очень богато в нюансах, свободно от немедленной и эмоционально спонтанной реакции. Она не делит людей просто на друзей и врагов, на хороших и дурных. Прежде всего бросается в глаза богатая вербальная репрезентация любовного чувства. О своей любви Фатима пишет в стихах, письмах, воспоминаниях, в очерке «Сказка-быль». А для ее мужа Ильяса Джансугурова «романтический эпистолярно-поэтический марафон» длился почти треть его жизни — тринадцать лет.⁴⁵ Культурные коды Фатимы видны из ее отношения к выбору имени для детей. Еще будучи 19-летней, она отвергла все предложения и назвала своего сына Жанибеком: «...не потому что вспомнили о каких-то исторических личностях... а просто потому, что... нравилось это имя»: «...он будет героем своего времени, он станет знаменитым ученым».⁴⁶ В этой фразе заложен новый культурный код. Он звучит как

гимн «независимой автономной личности». Имена других детей имеют просто общечеловеческий смысл: Умут — «надежда», Азат — «передовой», Ильфа — «символ любви», Булат — «крепкий, стальной, негибаемый».

Была в жизни Фатимы и сторона, связанная с насилием режима. Но свои мысли об этом она доверяла только дневнику,⁴⁷ хотя следует отметить, что записи обрываются в 1935 г. и возобновляются в 1951 г. Она мало писала о терроре и о происходящем даже и в поздних текстах. «Механизмы самоконтроля» были очень развиты. Когда в 1929 г. племянника-активиста лишили стипендии, выгнали из комсомола за то, что его «отец немного знал Коран и заменял в ауле муллу», она пишет об этом мужу очень осторожно, подбирая слова. А об аресте своего мужа в 1930 г. Фатима пишет иносказательно, называя репрессии и террор «Науханбаем», «кампанией».⁴⁸

В текстах Фатимы до 1935 г. встречаются описания двух ее сновидений. Они проанализированы в биографическом контексте. Задачей является, считает И. Паперно, выявить «столкновение между осознанным и неосознанным, выразимым и невыразимым». По мнению исследовательницы, такое толкование сновидения поможет нам понять, как люди того времени относились к миру, к себе.⁴⁹ Переживание сна у Фатимы очень травматическое. Она пишет: «...этот сон произвел на меня очень тяжелое впечатление. Голова от него кругом. А теперь вот заболела. И тело, и душа — все болит». Для Фатимы было характерно рациональное поведение, она руководствовалась разумом и своей моралью, не прибегая к мистификации. После признания аффективность ее состояния ощущается сильнее.⁵⁰

Сон является отражением трагического конфликта двух сил — личности и власти, человека и государства. Власть предстает в образе разрушительной стихии наводнения. Сон рисует бедствия, сотворенные наводнением, в апокалиптических тонах. Деяния власти словно нарушили равновесие мировых сил. Другой иконический знак сна — разрушенный дом, который упал и придавил Фатиму и детей, пытавшихся выбраться из потока

⁴¹ Там же. С. 89, 91, 92, 94.

⁴² Там же. С. 158, 191.

⁴³ Там же. С. 60, 110.

⁴⁴ Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. Указ. соч.; Фатима. Указ. соч. С. 51, 106.

⁴⁵ См.: Фатима. Указ. соч. С. 96, 99–121.

⁴⁶ Там же. С. 55.

⁴⁷ См.: Паперно И. Сны террора. Сон как источник для истории сталинизма // Новое литературное обозрение. 2012. № 4. С. 116.

⁴⁸ См.: Фатима. Указ. соч. С. 92, 161.

⁴⁹ См.: Паперно И. Указ. соч.

⁵⁰ См.: Фатима. Указ. соч. С. 163.

воды. Символика этого знака очень выразительна и понятна. Архетип дома относится к базовым константам человеческого бытия. Во всех культурах представления о доме связаны с безопасным, защищенным пространством. Дом — это теплый семейный мир, человеческий микрокосм. Утрата дома является трагедией утраты этого мира, а вместе с ним — «самости», защищенности и укорененности. Вместо дома — места, где теплится жизнь, вьется семейное гнездо, — теперь разрушенный дом как царство «мерзости запустения», обитель смерти (придавлив живые существа при разрушении). Символический эффект от разрушения усилен тем, что, вместо защиты, Фатима и двое ее детей гибнут под его обломками. Сон полон глубинно-мифологического смысла. Сама Фатима с детьми — образ материнского начала — и вода как хаос, взбунтовавшаяся бездна, готовая поглотить все, несут в себе мифологическую символику, мотив жизни и мотив смерти. Во сне встретились две правды — правда власти и правда частного человека. В метафорической катастрофе наводнения и весенней поры, когда народ ремонтирует дома, поврежденные стихией настоящее переплетено с будущим. Участниками действия сна были, с одной стороны, власть бездны — бушующая стихия, разрушительный хаос наводнения, отчасти ассоциируемый с беспощадностью государственной машины, с другой — слабая, беспомощная женщина, проигравшая в битве со стихией, в попытках спасти себя и детей. Во сне отражены тягостные предчувствия Фатимы. Ее сознание работало против государственного насилия в реальном мире. Главной ценностью для Фатимы были не великие преобразования любой ценой, а она сама, ее дети и просто частный человек как единственный смысл бытия. Но если вписать сон в контекст биографии Фатимы — жизнеутверждающая суть материнского начала противостоит власти как разрушительной силе.

Другим метафорическим изображением жизни общества и семьи служит картина ненастья в очерке «Сказка-быль». Описание бурана в Актюбинске можно рассматривать как текст повышенной смысловой нагрузки. В нем ясно звучит мотив насилия. Стихия воздуха предстает в очерке во взвихренном состоянии, в ипостаси шквального ветра, в своей крайней стадии — буране. В описании степи можно увидеть органичную, естественную житейскую динамику социального и природного, а

иначе — стихийного начала в житейском. Во всем этом присутствует такой фактор, как непринужденность жизни. Но когда поднимается буран — метафора власти, — все меняется и появляется реальная угроза для мироздания. Изображая стихию, Фатима использует аллегорический потенциал бурного пейзажа и наделяет его семантикой общества. Бурный пейзаж как способ изображения экстремального состояния природы, а учитывая его аллегоричность, и социальной среды перерастает в развернутый образ катастрофы. Под ударами стихии оказывается микромир — вселенная отдельного человека. Все вместе складывается в образ разрушенной среды человеческого обитания, причем на смысловом уровне изображения бурана «социальная малость» оказывается не защищенной от природной ярости. Результат этой встречи бурана со степью — «взломаченная земля, всклокоченные облака, перистое небо, холодный мир, ледяной, как нутро громадной могилы».⁵¹

Фатима, описывая в данном очерке свое состояние над могилой дочери, показывает, что под ударами стихии оказывается не только макромир, что ведет к национальной катастрофе, но и микромир — вселенная отдельного человека. Гибель ее дочери, ничего не решающая, не имеющая никакого смысла, не связана непосредственно с происходящими событиями. Горе матери, потерявшей ребенка, вплетенное в описание бурана, передает беспросветное состояние мира, созданного властью, где становится возможен разгул злой силы, от которой нет защиты. Ответственность за невинные жертвы лежит на власти. В образе неуправляемой природной стихии — бурана в степи — была заключена мысль о невероятном насилии власти над жизнью людей, когда за величие государства приходилось платить страшную человеческую цену. Власть со своими надчеловеческими интересами выглядит вездесущей и всеохватной. Но в этом тексте Фатимы нет абсолютной обреченности, так как буран, как природное явление тоже имеет свой конец.

В очерке «Она Мелодия тоски» Фатима опять прибегает к метафорическому изображению репрессий и террора «густые черные тучи», «свирепый вихрь», «ураганный ветер»), а «опрокинутый шаньрак» — символ домашнего очага и благополучия.⁵²

⁵¹ Фатима. Указ. соч. С. 109, 110.

⁵² Там же. С. 63.

Орландо Фиджес (Orlando Figes) писал о внутреннем конфликте родственников репрессированных, о конфликте доверия к родным и веры во власть.⁵³ Да, такой конфликт был и у Фатимы. «Пелена с ее глаз спала», когда следователи дали ей подписать протокол допроса. Это осознание вылилось в рыданиях: «Я не могла остановить своих горьких всхлипываний, не могла взять себя в руки и продолжала оплакивать Ильяса, Беимбета, Сакена и тысячи других ни в чем не повинных погубленных людей. Как же безжалостно ядовита эта жизнь!»⁵⁴ Так террор вошел в ее личное пространство. И это столкновение навсегда отстранило ее от власти. «Так где же равенство? Где свобода? Нет никого, кто решится ответить мне! Что я сделала Советскому Союзу, чем перед ним виновата?!»⁵⁵

Она научилась жить в этом враждебном, чуждом ей мире. Фатима нашла убежище в своей частной жизни: в своих детях, родственниках, работе.⁵⁶ В своем дневнике в 1951 г. Фатима, картографируя свою жизнь с 15 до 48 лет, определяет свое собственное место в системе сталинизма — место безвинной жертвы. Отчет начинается с первых лет революции. В данном нарративе выделены следующие коды. Во-первых, семья лишилась родных стен. Фатима записывает: «В первые годы после революции из-за притеснений советов мы с сестрой вынуждены были оставить город, в котором родились и выросли». Вторая подсеквенция рассказывает о первом замужестве за «умным, смелым, уважаемым, выдающимся просветителем, который любил свой народ», которого «Советская власть надуманно, без всяких на то оснований причислила... к националистам и уничтожила». Заканчивается это кодой: «Горько рыдая, я осталась одна с двумя сыновьями на руках». Третья подсеквенция — рассказ об ее втором замужестве «за талантливым, потрясающим поэтом, которому нет равных», который «ни в чем перед Советами не провинился, но и его расстреляли органы НКВД...» Заканчивается рассказ кодой: «Я опять осталась одна — с пятью детьми». Четвертая подсеквенция — годы ссылки: «Все мое имущество конфисковали, а саму с детьми из-

гнали в ссылку. В эти тяжелые годы я с трудом находила работу, а порой вообще приходилось слоняться без дела, обрекая детей на полугодное существование... так и дожили до военного лихолетья». Пятая подсеквенция посвящена детям: «Хотя все успешно окончили школу, им не суждено было поступить в вузы по своему выбору. А завершив на отлично любимые ими вузы, где они учились в силу безвыходности нашего положения, мои дети были лишены права поступления в аспирантуру. Работа по специальности для них нашлась, но в самых дальних и глухих уголках, куда никто не хотел ехать». Таким образом, текст Фатимы от 1951 г. определяет ее место в сталинской системе — место безвинной жертвы. В 1954 г. она пишет: «...из-за репрессий, обрушившихся на моего мужа Ильяса, я в течение двух десятилетий, имея шестерых детей на руках, подверглась неслыханным гонениям и жила с гадким клеймом жены врага народа. Вся моя молодость прошла в ссылках и унижениях».⁵⁷

Но у Фатимы нет когнитивного диссонанса — состояния психического дискомфорта от столкновения в ее сознании различных представлений, идей, верований. Для ее сознания характерно отчуждение от системы, а не отчуждение от себя и других. Записи Фатимы в конце жизни (1963 г. и 1967 г.) говорят об этом.⁵⁸

Итак, нами выявлено два вида нарративной идентификации, два вида сознательных и бессознательных практик отношения женщин к идеологии, к политической программе советского государства. С одной стороны, это субъективность женщин-активисток. Их вхождение в модерн, знакомство с новыми правилами жизни, выработка новых знаков и социальных кодов, а также их внутреннее преобразование произошли одновременно с вовлечением их в практическую работу — пропаганду и агитацию среди женщин. Пропустив через себя программы партии, они вскоре сами стали идеологической силой, действуя наравне с лидерами партии. Поэтому идеологемы советской эпохи стали для них частью мировоззрения и даже повседневным ритуалом, так как для них естественным было провести собрание, написать лозунги и т. д. Парадигма описания

⁵³ См.: Figes O. Private Life in Stalin's Russia: Family Narratives, Memory and Oral History // History Workshop Journal. 2008. 65.1. P. 4.

⁵⁴ Фатима. Указ. соч. С. 36, 37.

⁵⁵ Там же. С. 10.

⁵⁶ Kiaer C., Naiman E. Op. cit. P. 3.

⁵⁷ Фатима. Указ. соч. С. 12.

⁵⁸ Там же. С. 27.

биографии — агиографическая модель, только с акцентом на героическое. Для них практика письма была обязательной в профессиональном плане, а писать с позиции участника строительства социализма — органическая позиция. В этих текстах я постоянно превращаюсь в *мы*. Они осознают принадлежность к одной группе — активисток женского движения. Мир большой политики тесно переплетен с авторами воспоминаний. Они сами работают в структурах, представляющих власть. В их воспоминаниях слишком много места занимает государство и власть. Впоследствии, даже будучи в пенсионном возрасте, женщины-активистки не могли представить свою жизнь вне общественно значимых событий и даже мыслить вне языка идеологии. Досуг для них существовал только в рамках коммунистического перформанса. Ресурс их грамотности и культуры — высокий, но шаблонный.

Тексты Фатимы Габитовой представляют диаметрально противоположную субъективность. Вхождение ее в модерн состоялось раньше, в других условиях. Для нее характерны гендерные отношения и родительство современного типа. Ее семья — нового типа, не патриархальная, основанная на дружбе и равноправии. Отношения с мужьями — дружба-любовь. Для нее приватное — синоним персонального. Фатима Габитова обладала высокой способностью к саморегуляции. В текстах представлена отстраненная модель самоидентификации. Концепция я звучит ясно: я — это она и только она. В ней четко маркировано отчуждение от влас-

ти, которую она называет отстраненно «советская власть» и которая никогда не стала частью ее. В ее текстах продемонстрированы сознательные и бессознательные практики отношения с идеологическими нарративами. Она не приняла политические программы, более того, фиксирует свое отторжение, маргинализирует собственное я через понятие «я — безвинная жертва». Фатима Габитова проявляет эмпатию, солидарность и нарративную идентификацию с другими жертвами террора — с семьями Сакена Сейфуллина, Беимбета Майлина и с тысячами других безвинно пострадавших жертв системы.

Тексты полны проявления рефлексий, выражения чувств и оценок. Фатима Габитова — субъект, рефлексизирующее я, осознанно позиционирующее себя в историческом времени. Ее нарратив, тем не менее, не свободен от принуждения господствующего дискурса. Но она выбрала позицию и смотрит с другой стороны, открыто деконструируя формы дискурса принуждения. Напряжение от столкновения с властью (ярлык — «семья врага народа»), бунт выражены в дневнике, который был местом, где можно выплеснуть, «выкричать» свое страдание и нарушить табу.

Таким образом, и женщины-активистки, и Фатима Габитова, несомненно, субъекты, рефлексизирующие я, которые осознанно позиционируют себя в историческом времени. Они понимают и анализируют момент времени, о котором пишут как о части универсальной целостности.

Zhanat B. Kundakbayeva

Doctor of Historical Sciences, The Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan, Almaty)
E-mail: janbakkun@mail.ru

KAZAKHSTAN WOMEN SELF-IDENTIFICATION MODELS IF THE EARLY SOVIET PERIOD (1920–1930)

This article analyzes how the Modern “Self” is interpreted, described and constructed in the ego-documents of Kazakhstani women of early soviet era. In accordance with the American historians' Soviet subjectivity concept the author proceeded from the assumption of a major role of language in the process of identity construction, and hence the assumption that the people using a language (and its meanings) form their own perception of the world. Considering identity as a linguistic structure, and taking into account the limited number of women's personal narratives in Kazakhstan, I argue that in Kazakhstani case we have different ways of performing the self on the violent stage of Soviet modernization. They became aware of their self, however the tactics and the strategy of the Soviet ethos assimilation, converting it into one's own ego were different for different categories of women. As a result two types of narrative identification have been identified, two kinds of both conscious and unconscious practices of the women's attitude towards the ideology and political programs of the Soviet State. On the one hand that was the subjectivity of women-activists. Their acceptance of modernity, getting familiar with the new rules of life, elaboration of the new signs and social codes, as well as their internal transformation occurred simultaneously with

their involvement in practical work — the propaganda and outreach activities among the women. Their deep personal involvement with the Party's programs soon transformed themselves into an ideological force capable of acting alongside with the Party leaders. The texts written by Fatima Gabitova offer an example of a completely different subjectivity — an estranged self-identification model. Nonetheless both the women-activists and Fatima Gabitova were by all means the subjects, reflecting “self”, who were consciously positioning themselves in the historical time.

Keywords: *women's ego-documents, soviet subjectivity, self, modernity, ideology, narrative, language*

REFERENCES

- Abashin S. *Sovetskiy kishlak. Mezhdú kolonializmom i modernizatsiey* [The Soviet kishlak. Between colonialism and modernization]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 720 p. (in Russ.).
- David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015, 296 p. (in English).
- Figes O. Private Life in Stalin's Russia: Family Narratives, Memory and Oral History. *History Workshop Journal*. 2008, 65.1, pp. 117–137. (in English).
- Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism Ordinary Life in Extraordinary Times Soviet Russia in the 1930s*. Oxford University Press, 1999, 304 p. Available at: www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/eren015_everyday-stalinism.pdf (accessed: 17.03.2017). (in English).
- Fitzpatrick Sh. New Perspectives on Stalinism. *Russian Review*. 1986, vol. 45, no. 4, pp. 357–373. (in English).
- Kamp M. Women's Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another. *Central Eurasian Studies Review*. 2009, vol. 8.1, pp. 2–13. (in English).
- Kiaer C., Naiman E. (ed.) *Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside*. Bloomington: Indiana University Press, 2006, 310 p. (in English).
- Kozlova N. N. [Peasant son: experience of studying biography]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1994, no. 6, pp. 112–123. (in Russ.).
- Kozlova N. N. [The experience of sociological reading of “human documents” or reflections on the importance of methodological reflection]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2000, no. 9, pp. 22–32. (in Russ.).
- Kozlova N. N., Sandomirskaya I. I. «Ya tak khochu nazvaty kino». «Naivnoe pisymo»: opyt lingvo-sotsiologicheskogo chteniya [“I so want to call a movie”. “Naive letter”: experience of linguistic-sociological reading]. Moscow: Gnozis-Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996. Available at: http://www.a-z.ru/women/texts/kis_235r-1.htm (accessed: 17.03.2017).
- Paperno I. [Dreams of terror. Dream as a source for the history of Stalinism]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2012, no. 4. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/2541> (accessed: 17.03.2017). (in Russ.).
- Pobeda Velikoy Oktyabryskoy sotsialisticheskoy revolyutsii v Kazakhstane. 1917–1918 gg.: sbornik dokumentov i materialov* [Victory of the Great October Socialist Revolution in Kazakhstan. 1917–1918: a collection of documents and materials]. Alma-Ata: Kazgosizdat Publ., 1957, 423 p. (in Russ.).
- Pushkareva N. L. *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennosty: Istoriya izucheniya «zhenskoy temy» russkoy i zarubezhnoy nauko. 1800–2000: Materialy k bibliografii* [Russian woman: history and modernity: The history of studying the “female theme” of Russian and foreign science. 1800–2000: Materials for the Bibliography]. Moscow: Lodomir Publ., 2002, 526 p. (in Russ.).
- Velikiy Oktyabry i raskreposhchenie zhenshchin Sredney Azii i Kazakhstana (1917–1936 gg.). Sbornik dokumentov i materialov* [Great October and the emancipation of women in Central Asia and Kazakhstan (1917–1936). Collection of documents and materials]. Moscow: Mysly Publ., 1971, 462 p. (in Russ.).
- Zhenshchiny Kazakhstana — aktivnye stroiteli sotsializma. 1918–1945 gg.: Sbornik trudov i materialov* [Women of Kazakhstan are active builders of socialism. 1918–1945: Collection of Proceedings and Materials]. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1981, 336 p. (in Russ.).